

Мэрион Зиммер Брэдли

Вынужденная посадка

Мэрион Зиммер Брэдли
Вынужденная посадка
Серия «Даркоувер», книга 1

HarryFan

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128998

Лань; СПб.; 1995

Содержание

От автора	4
1	5
2	32
3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Мэрион Зиммер Брэдли

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

От автора

Все песни, исполняемые в романе членами коммуны Новые Гебриды, взяты мною из сборника «Песни Гебрид», составленного Марджори Кеннеди-Фрэйзер и выпущенного в свет издательством «Бузи и Хокз» в 1909 и 1922 годах. Тексты «Чайки с подводной земли» в «Песни рыбака с мыса» переведены на английский самой миссис Кеннеди-Фрэйзер с гаэльского оригинала Кеннета Мак-Леода. «Любовная песнь феи» адаптирована и переведена на английский Джеймсом Хоггом. Песня «Кулины из Рама» переведена на английский Эльфридой Риверз. Слова «Каристьоны» народные, на английский же переведены Кеннетом Мак-Леодом.

1

Беспокоиться сейчас о посадочных механизмах им и в голову не пришло бы; но те, как выяснилось, серьезно затрудняли выход наружу. Гигантский корабль врезался в землю под углом в сорок пять градусов, так что все трапы повисали в воздухе, а люки вели в никуда. Ущерб еще предстояло оценить, но даже по самым грубым прикидкам половина кают экипажа и три четверти пассажирских стали непригодны для жилья.

На расчищенном пространстве уже были собраны на скорую руку полдюжины хлипких домиков, а под большим тентом развернут полевой госпиталь. На это пошли, в основном, большие полотнища упаковочного пластика и стволы местных смолистых деревьев, сваленных циркулярными пилами и лесорубными полуавтоматами колонистов. Все это происходило, несмотря на решительные протесты капитана Лейстера; но, поставленный перед одной чисто технической формальностью, вынужден был смириться и он. Приказания его имели силу закона только в космосе; на планете же ответственность переходила к Экспедиционному Корпусу.

Ну а то, что планета не та... В общем, это была тоже чисто техническая формальность, как обойти которую никто не представлял... пока.

«По крайней мере, – размышлял Рафаэль Мак-Аран, стоя

на невысоком гребне, окаймляющем долину, где упал корабль, – смотрится планета довольно приятно». Точнее, не планета, а видимая ее часть – и, причем, весьма скромная. Сила тяжести была тут чуть меньше земной, а кислорода в атмосфере содержалось чуть больше, что само по себе уже объясняло легкую эйфорию, испытываемую с первых же мгновений на планете всеми, кто родился и вырос на Земле. Ни одному землянину XXI века в жизни не доводилось вдыхать воздух столь сладкий и смолистый или разглядывать далекие холмы столь ясным утром.

Возвышающиеся вокруг холмы и горы складывались в бесконечную панораму, цепь за цепью, постепенно меняя цвет – от размыто-зеленоватого к размыто-голубоватому и в конце концов к полупрозрачно-лиловому и фиолетовому. Огромное солнце было темно-красным, цвета пролитой крови; и в первое же утро потерпевшие аварию увидели четыре луны, насаженные на зубцы далеких гор огромными переливчатыми самоцветами.

Мак-Аран опустил на землю рюкзак, извлек теодолит, установил на треногу и, отирая со лба пот, принялся за проверки. О Боже, ну и жара – и это после жуткого ночного холода, после снегопада, налетевшего с горных вершин так стремительно, что они едва успели соорудить укрытие! Теперь же снег струился резвыми ручейками; Мак-Аран стянул нейлоновую пуховку.

Снова отерев лоб, он выпрямился и огляделся, отыскивая

подходящий репер условного уровня поверхности. Он уже знал – благодаря альтиметру последней модели, автоматически учитывающему изменение силы тяжести – что по земным меркам они находятся на высоте примерно в тысячу футов над уровнем моря; или, скажем так, над условным уровнем моря, поскольку никто не знал, есть ли здесь моря. В суматохе вынужденной посадки никто, кроме третьего помощника капитана, не успел увидеть, как выглядит планета из космоса – а третий помощник капитана умерла через двадцать минут после падения, пока трупы вахтенных извлекались из-под обломков рубки.

Было известно, что в этой системе три планеты: одна – гигантский шар замороженного метана; другая – крошечный каменный осколок, больше похожий на луну, чем на планету, однако в гордом одиночестве вращающийся по своей орбите вокруг звезды; и вот эта. Было известно, что Экспедиционный Корпус отнес бы ее к классу М: приблизительно земного типа и, вероятно, пригодная для жизни. Плюс теперь еще им было известно, что на этой-то планете они и находятся. Вот, в общем-то, и все, что им было известно – не считая того, что удалось выяснить в последние 72 часа. Красное солнце, четыре луны, сильнейшие перепады температур, окружающие горные цепи – все это выяснялось по ходу дела, пока извлекались из-под обломков корабля трупы и проводилось опознание, пока разворачивался полевой госпиталь, пока все трудоспособные лица привлекались к уходу за ра-

ненными, погребению мертвых и сооружению на скорую руку временных укрытий (пока корабль остается непригодным для жилья).

Рафаэль Мак-Аран собрался было извлечь, из рюкзака прочие инструменты; но остановился на полпути. Он и сам не представлял, как ему необходимо, оказывается, побыть одному; прийти в себя после монотонной шоковой терапии последних часов, после крушения и сотрясения мозга, с которым на перенаселенной, трясущейся над малейшими болячками Земле его немедленно отправили бы в больницу. Но тут офицер медслужбы, и без того измотанный вконец, только вручил ему таблетки от головной боли, а сам вернулся к тяжелораненым и умирающим. Голова Мак-Арана до сих пор продолжала болезненно пульсировать, как один чудовищно разросшийся гнилой зуб – но после ночи сна у него хотя бы не так все плыло в глазах. На следующий после крушения день его вместе с прочими трудоспособными лицами, не имеющими отношения ни к медицинской, ни к инженерной службе, направили на рытье братской могилы. Тут-то Мак-Арана и поджидал самый страшный удар – среди мертвых он обнаружил Дженни.

Дженни. Ему-то представлялось, что она где-то рядом, в полной безопасности, и просто слишком занята, чтобы заниматься поисками родных. И вдруг в груди изуродованных тел серебристо блеснули длинные светлые волосы его единственной сестры. Ошибки быть не могло... Но даже на то,

чтобы поплакать, времени сейчас не оставалось. Слишком много было мертвых. И Мак-Аран сделал единственное, что было в его силах – сообщил Камилле Дель-Рей (капитан Лейстер поручил ей руководить опознанием), что Дженни Мак-Аран следует вычеркнуть из списка «предположительно живых» и внести в список «однозначно опознанных мертвых».

– Спасибо, Мак-Аран, – только и вырвалось у Камиллы, напряженно и отрывисто. Ни на скорбь, ни на слезы, ни даже на простое человеческое сочувствие времени сейчас не оставалось. И это при том, что Дженни с Камиллой были лучшими подругами; почему-то Дженни любила эту чертову мисс Дель-Рей, как родную сестру – Рафаэль давно ломал голову, почему, но, значит, должна была быть какая-то причина. Теперь же Мак-Аран, должно быть, в глубине души надеялся, что Камилла прольет над Дженни те слезы, на которые сам он способен не был. Кто-то обязательно должен был поплакать о Дженни, но Мак-Аран пока просто не мог. Пока.

Он вернулся к своим приборам. Если б точно знать, на какой широте упал корабль, все было бы гораздо проще; впрочем, по высоте солнца над горизонтом можно будет примерно прикинуть...

Огромный корабль врезался в землю посреди ложбины миль, по меньшей мере, пяти в поперечнике, поросшей кустарником и карликовыми деревцами. При взгляде на корабль внутри у Рафаэля что-то болезненно екнуло. Предполагалось, что капитан Лейстер с экипажем как раз сейчас вы-

ясняют размеры ущерба и сколько времени потребуется на ремонт. В космических кораблях Мак-Аран не понимал ничего; он был геологом. Но почему-то у него возникло ощущение, что этому кораблю уже никуда не подняться.

Это ощущение он постарался подавить. Пусть сначала свое слово скажут инженерные службы. Они в этом разбираются, а Мак-Аран – нет. В конце концов, сегодняшняя техника способна творить настоящие чудеса. В худшем случае предстоит потерпеть несколько дней, ну от силы пару недель – и они отправятся своей дорогой, а на картах Экспедиционного Корпуса появится еще одна пригодная для колонизации планета. Может, им даже причитается какой-то процент как первооткрывателям; это изрядно поправит финансовое положение Колоний Короны, куда они давно должны были прибыть...

А им будет о чем вспомнить под старость, в системе Короны, лет через пятьдесят-шестьдесят...

Но если кораблю не подняться...

Невозможно. Этой планеты нет на картах, Экспедиционный Корпус не давал «добро» на ее колонизацию. Но Колонии Короны – Фи Короны Дельта – это уже преуспевающий горнорудный комплекс. Там построен космопорт; там уже лет десять большая группа инженеров и техников занималась экологическими изысканиями и готовила планету к заселению. Нельзя же так вот, с бухты-барахты брать и высаживаться на совершенно неизвестную планету. Просто нель-

зя.

Как бы то ни было, это не его забота; а вот определение широты... Он сделал все измерения, какие мог, занес результаты в полевой журнал, сложил треногу и принялся спускаться в ложбину. При пониженной гравитации двигаться по густо усеянному камнями и поросшему кустарником склону было гораздо легче, чем на Земле, и Мак-Аран бросил мечтательный взгляд на далекие горы. Может, если ремонт корабля затянется дольше, чем на несколько дней, в лагере сумеют какое-то время обойтись без него, и удастся хотя бы немного ползать. В конце концов, образцы горных пород могут оказаться весьма кстати Экспедиционному Корпусу; а заниматься альпинизмом тут наверняка много приятнее, чем на Земле, где все национальные парки, от Йеллоустона до Гималаев, забиты толпами туристов триста дней в году. Наверно, это только честно – дать всем и каждому возможность побывать в горах; а с подъемниками и пешеходными дорожками, проложенными до самой вершины Эвереста или Маунт-Уитни, или Маунт-Рэйнье, детям и старушкам стало гораздо легче подняться наверх и насладиться пейзажем. «И все же, – мечтательно подумал Мак-Аран, – как это было бы здорово – забраться на настоящую дикую гору, без пешеходных дорожек и даже без единого подъемника!». Он занимался альпинизмом и на Земле, но чувствовал себя на редкость по-идиотски, когда в подвешенных к тросу роликовых креслах мимо проносились всякие юнцы и хихикали над живым

анахронизмом, карабкающимся вверх в поте лица своего!

Ближайшие склоны были испещрены черными шрамами от лесных пожаров; Мак-Аран прикинул, что, пожалуй, с ложбиной, где упал корабль, подобная напасть последний раз случилась несколько лет назад, но с того времени успела подняться молодая поросль. Им еще повезло, что при падении сработали наружные противопожарные системы – а то выжившие после аварии могли бы в самом буквальном смысле угодить из огня да в полымя. В лесу надо быть осторожным с огнем. Лесоводство на Земле давно уже отошло как профессия, и мало кто теперь представлял себе, что может натворить лесной пожар. «Не забыть бы упомянуть об этом в докладе», – подумал Мак-Аран.

По мере приближения к месту аварии недавняя эйфория сходила на нет. В полевом госпитале сквозь полупрозрачный пластик виднелись бесчисленные ряды коек. Несколько человек очищали недавно поваленные деревья от веток, а другая группа устанавливала димаксионовый купол; тот крепился на высоких треугольных опорах и мог быть возведен за полдня. «Не похоже, – мелькнула у Мак-Арана мысль, – чтобы отчет о состоянии корабля оказался слишком уж благоприятным». Несколько механиков копошились на поверхности корпуса, но как-то очень уж вяло. Видимо, надеяться на скорое отбытие не приходилось.

– Рэйф! – окликнул Мак-Арана вышедший из госпиталя молодой человек в мятом и покрытом пятнами мундире

офицера медслужбы. – Старший помощник передавала, чтобы ты как можно скорее явился в Первый Купол; там большое собрание, и ты им тоже нужен. Меня послали туда с докладом от медслужбы – как самого старшего офицера, без которого в госпитале какое-то время обойдутся.

Устало подволакивая ногу, он нагнал Мак-Арана. Молодой медик, невысокий и стройный светлый шатен с короткой курчавой бородкой, выглядел очень усталым, словно давно толком не спал.

– Как там дела в госпитале? – нерешительно поинтересовался Мак-Аран.

– По крайней мере, ни одной смерти аж с полуночи; плюс у четверых положение перестало быть критическим. Похоже, утечки из реактора все-таки не было – ту связистку мы уже выписали: ее тошнило просто из-за сильного удара в солнечное сплетение. Слава Богу, хоть с этим повезло – случись утечка из реактора, шансов у нас не было бы просто никаких, плюс еще планету заразили бы.

– Да, хорошая штука – фотонный привод; по крайней мере, сравнительно безопасная, – отозвался Мак-Аран. – Юэн, у тебя совершенно замученный вид. Тебе хоть немного удалось поспать?

– Нет, – покачал головой Юэн Росс. – Старик вчера не жался со стимуляторами, так что, как видишь, я до сих пор на ногах. Конечно, когда-нибудь я свалюсь и продряхну беспробудно суток, наверно, трое, но пока еще держусь. – Он за-

мялся и неуверенно покосился на своего друга. – Рэйф, я... слышал о Дженни! Такое невезение! Почти все в той секции спаслись, я был уверен, что и она тоже...

– И я был уверен. – Мак-Аран глубоко вдохнул, но чистый воздух лег на грудь невыносимой тяжестью. – Я еще не видел Хедер... она...

– С ней все в порядке; ее пока поставили медсестрой. У нее ни царапинки. Насколько я понимаю, после этого собрания огласят полные списки – погибших, раненых и живых. А ты-то чем занимался? Дель-Рей сказала, что тебя послали на разведку; и что ты там разведывал?

– Геодезические изыскания, нулевой цикл, – доложил Мак-Аран. – Мы же ничего не знаем о планете – ни на какой широте упали, ни диаметра, ни массы, ни какой тут климат, ни что за время года сейчас – вообще ничего. Мне удалось выяснить, что мы не так уж далеко от экватора, и... Ладно, все равно сейчас докладывать. Что, прямо так и заходим?

– Да, вот сюда, в Первый Купол, – сам того не осознавая, Юэн произнес это так, словно слова писались с большой буквы.

«До чего же характерная человеческая черта, – мелькнуло у Мак-Арана, – с первых же мгновений устанавливать для себя какую-то систему ориентиров; на этой планете мы не пробыли еще и трех дней, а уже первый наспех собранный домик стал Первым Куполом, а полупрозрачный навес для раненых – Госпиталем».

Сидений под куполом не оказалось, но тут и там были разложены свернутые полотнища брезента и расставлены опрокинутые вверх дном пустые ящики, а для капитана Лейстера кто-то принес складной стул. Рядом с капитаном, раскрыв на коленях блокнот, сидела на ящике Камилла Дель Рей – высокая стройная темноволосая девушка с широким неровным порезом через всю щеку, края которого были сведены крошечными пластиковыми зажимами. Верх ее теплового форменного комбинезона был отстегнут, и Камилла осталась в одной тонкой облегающей хлопковой рубашке. Мак-Аран быстро отвел взгляд: «Черт побери, о чем она думает, расселась чуть ли не в нижнем белье перед доброй половиной экипажа! В такое время это просто неприлично...» – потом, подняв глаза на осунувшееся, с ярко выделяющимся порезом лицо девушки, Мак-Аран устыдился собственных мыслей. Просто ей жарко – действительно, под куполом было душновато – да и, в конце концов, она, можно сказать, при исполнении, ее право делать, как ей удобнее.

«Если уж кто и поступает неприлично, так это скорее я – в такое время глазеть на девушку... Это просто стресс. Слишком много, черт побери, вещей, о которых пока безопасней не думать».

Капитан Лейстер поднял седую голову. «У него смертельно усталый вид, – пронеслось в голове у Мак-Арана, – наверно, он тоже не спал с самого крушения».

– Все в сборе? – поинтересовался капитан у мисс Дель-

Рей.

– Кажется, да.

– Леди и джентльмены, – произнес капитан. – Мы не будем зря тратить времени на формальности, и пока длится чрезвычайное положение, забудем лучше о тонкостях протокола и этикета. Так как мой адъютант в госпитале, мисс Дель-Рей любезно согласилась поработать сегодня секретарем. Во-первых, я собрал тут всех вас, по представителю от каждой группы, чтобы вы изложили своим людям информацию из первых рук – и пресечь таким образом распространение слухов. А насколько я помню еще с кадетских времен, чтобы пошли шепотки, достаточно собрать вместе человек двадцать пять. Так что давайте условимся верить тому, что говорится здесь, а не тому, что кто-то шепнул чьему-то лучшему другу, или что кто-то услышал в столовой – договорились? Инженеры – давайте начнем с вас. Как дела с двигателями?

Поднялся главный инженер; звали его Патрик, и Мак-Аран был с ним практически не знаком. Тот оказался долговяз, не улыбочив и чем-то напоминал народного героя Линкольна.

– Плохо, – лаконично отозвался он. – Не стану утверждать, что безнадежно, но в машинном отделении такой бардак... Дайте нам неделю на то, чтобы все разгрести – и мы скажем вам, сколько времени потребуется на ремонт. Ориентировочно – недели три; может быть, месяц. Но, честно

говоря, не стал бы биться об заклад на годовое жалование, что угадал правильно.

– Значит, все-таки двигатели можно починить? – спросил Лейстер.

– Вроде бы, да, – отозвался Патрик. – По крайней мере, черт побери, хотелось бы надеяться. Может быть, придется поискать какое-нибудь топливо, но с большим конвертором это не такая уж великая проблема – сгодится все, что угодно; хоть целлюлоза. Это, конечно, я имею в виду питание систем жизнеобеспечения; для маршевого двигателя нужно антивещество. – Он углубился в технические детали; но прежде чем Мак-Аран окончательно потерял нить, Лейстер прервал главного инженера.

– Довольно, довольно. Главное, насколько я понимаю, это что двигатели можно починить, и что на это надо от трех до шести недель. Офицер Дель-Рей, как там дела на мостике?

– Капитан, на мостике сейчас работают ремонтники, расчищают металлолом плазменными резаками. От пульта остались одни обломки, но, похоже, главные банки данных не пострадали, и библиотеки тоже.

– В чем главная проблема?

– Нужно будет по всей рубке установить новые кресла и предохранительные ремни – с этим ремонтники справятся. Ну и, конечно, нам предстоит заново проложить курс; главное определить, где мы находимся, и тогда все сведется к простой астронавигационной задачке.

– Значит, и с этим не совсем безнадежно?

– Честно говоря, капитан, было бы слишком рано обещать что-то определенное. Но, по-моему, надежда есть. Может, я выдаю желаемое за действительное – но сдаваться пока рано.

– Похоже, – произнес капитан Лейстер, – по состоянию на сейчас, положение дел настолько скверное, насколько это вообще возможно; по крайней мере, склоняет всех к мрачному образу мыслей. Может, оно и к лучшему; на этом фоне малейшее просветление окажется приятной неожиданностью. Где доктор Ди Астуриен?

– Сэр, – поднялся Юэн Росс, – главврач послал с докладом меня; он сейчас организует учет и хранение всех уцелевших медикаментов. Смертных случаев больше не зафиксировано, а все погибшие и умершие погребены. Неизвестных заболеваний не обнаружено, но мы продолжаем проверять атмосферу и почву на микроорганизмы, как известные, так и неизвестные. И еще...

– Продолжайте.

– Капитан, доктор Ди Астуриен хотел бы, чтоб вы отдали приказ пользоваться только специально оборудованными отхожими местами. Наши собственные микроорганизмы способны нанести непоправимый ущерб местной флоре и фауне, а галюн можно сравнительно надежно продезинфицировать...

– Хорошая мысль, – произнес Лейстер. – Дель-Рей, попросите кого-нибудь вывесить соответствующий приказ. Пусть

служба безопасности позаботится о том, чтобы все знали, где отхожие места, и проследит за исполнением. А то наверняка ведь найдутся любители отлить на природе, раз уж все равно мы в лесу, и нет никаких местных законов против загрязнения окружающей среды.

– Есть еще одно предложение, капитан, – отозвалась Камилла Дель-Рей. – Пусть на кухне делают то же самое с пищевыми отходами – какое-то время, по крайней мере.

– Дезинфицируют? Хорошая мысль. Ловат, что там у нас с синтезатором пищи?

– В рабочем состоянии, сэр – по крайней мере, временно. Но лучше бы, на всякий случай, поэкспериментировать с местной флорой; проверить, сможем ли мы есть здешние растения и корни, если вдруг придется. А коли синтезатор сломается – он ведь и не предназначался для длительной эксплуатации при планетной силе тяжести – тогда уже будет слишком поздно начинать эксперименты с местной растительностью. – Джудит Ловат, невысокая крепышка лет под сорок, с зеленой эмблемой Систем Жизнеобеспечения на рукаве, повернулась в сторону двери. – Похоже, это не планета, а сплошной дикий лес; судя по обычной кислородно-азотной атмосфере, тут наверняка должно быть что-то для нас съедобное. Как правило, хлорофилл и фотосинтез одинаковы на всех планетах класса Эм, и конечный продукт обычно – какие-нибудь углеводы с аминокислотами.

– Надо сказать ботаникам, чтобы немедленно этим заня-

лись, – произнес капитан Лейстер. – Так, Мак-Аран, теперь ваша очередь. Удалось выяснить что-нибудь полезное?

– Упади мы на равнину, – произнес, поднимаясь, Мак-Аран, – мне б удалось выяснить гораздо больше... впрочем, не факт, что на этой планете вообще есть равнины... но кое-что разузнать удалось. Во-первых, мы находимся примерно на тысячу футов выше условного уровня моря – и определенно в северном полушарии, но не очень далеко от экватора, судя по тому, как высоко над горизонтом поднимается солнце. Похоже, мы упали в предгорьях гигантской горной цепи, настолько старой, что скалы успели зарости лесом – то есть никаких действующих вулканов в пределах видимости и никаких следов недавнего вулканизма – в смысле, за последние несколько миллионов лет. Это не слишком молодая планета.

– Какие-нибудь признаки жизни? – поинтересовался Лейстер.

– Очень много птиц. Также маленькие животные – вероятно, млекопитающие, но не уверен. Огромное количество деревьев, и большинство неизвестных видов. Некоторые, кажется, хвойные, но встречаются и какие-то широколиственные, не говоря уже о всевозможных кустарниках. Ботаник мог бы сказать вам гораздо больше, чем я. Никаких следов разумной жизни, ни единого признака того, что почва где-то возделывалась. Короче, такое впечатление, будто этой планеты не касалась рука человека – да и вообще чья бы то ни

было рука. Не исключено, правда, что мы могли упасть посреди каких-нибудь здешних сибирских степей или пустыни Гоби – вдали от всех проторенных дорог. В двадцати милях к востоку отсюда, – продолжил он после некоторой заминки, – есть высокий горный пик, – его трудно не заметить, – с которого можно было бы как следует разглядеть окрестности и грубо прикинуть массу планеты, даже простейшими приборами; заодно можно будет присмотреться, как тут поблизости с реками, равнинами, водоемами... да и с признаками цивилизации.

– Из космоса никаких признаков жизни видно не было, – произнесла Камилла Дель-Рей.

– Вы хотели сказать, признаков технологической цивилизации? – негромко вступил Морэй, плотный и коренастый представитель Экспедиционного Корпуса, ответственный за Колонию. – Не забывайте, подлети чей-нибудь корабль к Земле века четыре назад или того раньше, они бы тоже не увидели никаких следов разумной жизни.

– Даже если тут и есть какая-нибудь дотехнологическая цивилизация, – отрывисто отозвался капитан Лейстер, – это все равно, что никакой цивилизации; да к вообще, местные формы жизни, разумные или нет, к нашей главной задаче отношения не имеют. Помочь нам с починкой корабля они все равно не смогут, так что надо постараться ничем не заразить здешние экосистемы и – если тут кто-то все же есть – всячески избегать контакта, чтобы не создавать культурного шока.

– С последним согласен, – медленно произнес Морэй, – но я хотел бы поднять один вопрос, который вы еще не затронули – с вашего позволения, капитан.

– Я же с этого и начал, – усмехнулся Лейстер, – ну его к черту, протокол. Валяйте.

– Что делается для проверки того, пригодна ли эта планета для жизни – на случай, если двигатели так и не удастся починить, и мы тут застрянем?

Мак-Аран ощутил укол ледяного ужаса – а потом горячую волну облегчения. Кто-то сказал это. Кто-то еще думал о том же самом. И Мак-Арану не пришлось ставить вопрос самому.

Но на лице капитана Лейстера застыла гневная маска.

– Это чрезвычайно маловероятно.

Морэй тяжело поднялся на ноги.

– Да. Я слышал, что говорил ваш экипаж, но это звучало не очень убедительно. Мне кажется, нам следует немедленно провести инвентаризацию всего, чем мы располагаем и что может предложить планета – на случай, если застрянем тут навсегда.

– Невозможно, – хрипло произнес капитан Лейстер. – Мистер Морэй, вы что, хотите сказать, будто знаете о состоянии корабля больше, чем мой экипаж?

– Нет. Ни черта я не знаю о космических кораблях, да мне этого и не надо: когда я вижу груды хлама, то знаю, что это груды хлама. Мне известно, что у вас погибла добрая треть

экипажа, включая кое-кого из старших специалистов. Я слышал, как офицер Дель-Рей сказала, будто ей кажется, – всего лишь кажется, – что астронавигационный компьютер можно починить, а я в курсе, что управлять фотонным кораблем в межзвездном пространстве без компьютера невозможно. Необходимо иметь в виду, что корабль, может быть, больше никуда и не полетит. А, значит, и мы никуда не полетим. Если, конечно, не найдется какого-нибудь вундеркинда, который лет за пять, из местных материалов, нашими скромными силами соорудит спутник для межзвездной связи и пошлет сообщение на Землю, Альфу Центавра или колониям Короны – чтобы оттуда прилетели и подобрали их маленький заблудший кораблик.

– Мистер Морэй, чего вы пытаетесь этим добиться? – негромко поинтересовалась Камилла Дель-Рей. – Деморализовать нас еще больше? Напугать?

– Нет. Просто пытаюсь быть реалистом.

– Мистер Морэй, мне кажется, вы уводите нас несколько в сторону от темы, – произнес капитан Лейстер, из последних сил стараясь не дать прорваться на поверхность бушующей в душе у него ярости. – Наша главная задача – починить корабль, и для этого может понадобится привлечь всех до единого, включая пассажиров из вашей группы колонистов. Мы просто не можем позволить себе действовать по принципу «если бы да кабы». Так что, – повысив голос, закончил он, – если это был формальный запрос, считайте, что он отклонен.

Еще вопросы есть?

Но Морэй не опустил на свое место.

– А если, – поинтересовался он, – через шесть недель выяснится, что корабль невозможно починить? Или через шесть месяцев?

Лейстер тяжело перевел дыхание.

«Похоже, – мелькнуло у Мак-Арана, – он смертельно устал, но из последних сил старается этого не выдать».

– Мистер Морэй, – произнес капитан, – я бы все-таки предложил решать проблемы в порядке поступления. Знаете, есть одна очень старая поговорка: довлеет дневи злоба его. Мне не кажется, что шесть месяцев – такой уж большой срок, чтобы заранее предаваться унынию или впадать в отчаяние. Что касается меня, то я планирую еще пожить и привести корабль в пункт назначения – а если кто вздумает распространять пораженческие настроения, тот будет иметь дело со мной. Все ясно?

Морэй, очевидно, все еще был недоволен; но что-то – наверно, только сила воли капитана – заставило его воздержаться от дальнейших реплик. Продолжая недовольно скалиться, он опустил на свое место.

– Еще что-нибудь осталось на повестке? – поинтересовался Лейстер, заглядывая в блокнот Камиллы. – Очень хорошо. Тогда, леди и джентльмены, пожалуй, на сегодня все. Списки выживших и раненых, кто в каком состоянии, будут вывешены сегодня к вечеру. Вы что-то хотели сказать, отец Ва-

лентин?

– Сэр, меня просили отслужить заупокойную мессу по безвременно усопшим, у братской могилы. Поскольку протестантский капеллан погиб, я хотел бы предложить свои услуги всем, кто может в них зачем-то нуждаться, вне зависимости от вероисповедания.

Капитан Лейстер перевел взгляд на молодого священника с рукой на перевязи и головой в бинтах; лицо его смягчилось.

– Разумеется, святой отец, отслужите свою мессу, – произнес он. – Я бы предложил завтра на рассвете. Найдите кого-нибудь, кто мог бы соорудить на месте могилы достойный памятник; когда-нибудь – может, через несколько сотен лет – эту планету наверняка заселят, и будущим колонистам следует знать о том, что здесь произошло. Надеюсь, на памятник у нас времени хватит.

– Спасибо, капитан. Вы позволите удалиться? Меня ждут в госпитале...

– Конечно, конечно, святой отец. И вообще, все свободны – если ни у кого не осталось вопросов. Очень хорошо. – Лейстер откинулся на спинку складного стула и на мгновение прикрыл глаза. – Мак-Аран и доктор Ловат, вы не задержались бы еще на минуточку?

Мак-Аран медленно приблизился, удивленный сверх всякой меры; раньше ему ни разу, не приходилось разговаривать с капитаном, и до настоящего момента он и не подозревал, что Лейстер хотя бы знает его в лицо. Что могло тому пона-

добиться? Остальные тем временем потянулись к выходу из купола.

– Рэйф, – шепнул на ухо Мак-Арану Юэн, тронув его за плечо, – мы с Хедер будем на заупокойной мессе. А сейчас мне надо идти. Загляни вечером в госпиталь, я проверю, как там твоё сотрясение. До скорого.

Капитан Лейстер обмяк на стуле, – казалось, годы и усталость взяли свое, – но он слегка выпрямился, когда приблизились Джудит Ловат и Мак-Аран.

– Мак-Аран, – произнес капитан, – насколько я помню из вашего личного дела, у вас есть некоторый альпинистский опыт. А какая у вас специальность?

– Геология. И я действительно немало времени проводил в горах.

– Тогда я назначаю вас руководителем небольшой исследовательской экспедиции. Заберитесь, если получится, на ту гору, о которой говорили, осмотрите окрестности, прикиньте массу планеты, ну и так далее. Среди колонистов есть метеоролог?

– Полагаю, да, сэр. Мистер Морэй должен знать точно.

– Наверняка; неплохая, кстати, мысль – спросить его об этом лично, – еле слышно произнес Лейстер. Он настолько устал, что уже не говорил, а мямлил. – Если у вас появится хотя бы примерное представление, что за погода ожидается на ближайшие несколько недель, можно будет решить, какие временные укрытия ставить для экипажа и колонистов.

А любая информация о периоде вращения планеты, ну, и прочее в том же роде, может оказаться полезной для Экспедиционного Корпуса. И... доктор Ловат... подыщите какого-нибудь зоолога... и ботаника... желательно, из числа колониистов – и пошлите их с Мак-Араном. На всякий случай, вдруг пищевой синтезатор все-таки не выдержит. Пусть они проведут полевые испытания и возьмут образцы.

– Я бы предложила послать еще и бактериолога, – сказала доктор Ловат. – Если, конечно, найдется свободный.

– Хорошая мысль. Мак-Аран, постарайтесь не слишком ослаблять ремонтные бригады, но возьмите с собой всех, кого считаете нужным. Еще какие-нибудь соображения есть на этот счет?

– Я бы хотел взять врача – или хотя бы медсестру, – произнес Мак-Аран, – а то вдруг кто-то провалится в трещину или попадет на зуб какому-нибудь местному Tugannosaurus Rex...

– Или подхватит какую-нибудь жуткую местную болезнь, – закончила доктор Ловат. – Я могла бы и сама об этом подумать.

– Хорошо – если главврач разрешит кого-нибудь отпустить, – согласился Лейстер. – Да вот еще что. С вами пойдет офицер Дель-Рей.

– Зачем, позвольте поинтересоваться? – спросил Мак-Аран, несколько удивленный. – Нет, я, конечно, ничего не имею лично против мисс Дель-Рей, но для женщины, по-мо-

ему, это будет тяжело. Тут ведь не Земля, и в горах нет ни одного подъемника.

– Капитан, – произнесла Камилла негромко и хрипловато («Интересно, – подумал Рафаэль, – это от горя и усталости, или таков ее нормальный голос?»), – похоже, что Мак-Аран еще не знает самого худшего. Что вам вообще известно о катастрофе и ее причинах, Мак-Аран?

– Ничего, кроме обычных домыслов, – пожал тот плечами. – Помню только, что завывала сирена, я перебрался в спасательный отсек... так называемый «спасательный», – горько добавил он, вспомнив изувеченное тело Дженни, – а в следующее мгновение меня уже вытаскивали из отсека и спускали по трапу. Точка.

– Тогда слушайте. Мы понятия не имеем, где находимся. Мы не знаем, что это за солнце. Мы даже примерно не представляем, в какое звездное скопление угодили. Мы сбились с курса из-за гравитационного шторма – так это обычно называется, а в тонкости я сейчас вдаваться не хочу. При первом же ударе шторма отказало почти все астронавигационное оборудование – нам ничего не оставалось, кроме как засесть ближайшую систему с пригодной для жизни планетой и как можно быстрее садиться. Теперь мне надо провести кое-какие астрономические наблюдения, если получится, засесть известные звезды – спектроскопом, например. Тогда, может быть, мне удастся триангуляцией определить наше положение в галактическом рукаве и хотя бы частично перепро-

граммировать астронавигационный компьютер. Астрономические наблюдения проще вести на такой высоте, где воздух разрежен. Даже если я не сумею забраться на самую вершину этого ближайшего пика, каждая лишняя тысяча футов высоты увеличивает точность измерений. – Девушка говорила очень серьезно, и Мак-Арану пришло в голову, что она придерживается такой профессионально-дидактической манеры, чтобы в голосе не прорвались истеричные нотки. – Так что, если вы не возражаете против моего участия в экспедиции... я достаточно сильна, проходила спецподготовку и не боюсь каких-то особенных тягот. Я бы послала своего помощника, но он в госпитале с ожогом тридцати процентов поверхности тела, так что если он и выздоровеет – а это пока не факт – то еще долго никуда не сможет выбираться. Боюсь, никто здесь лучше меня не разбирается в астрогации и галактографии, так что я предпочла бы довериться собственным измерениям, нежели чьим-то чужим.

Мак-Аран пожал плечами. Он никогда не был сторонником половой сегрегации, и если девушка считает, что выдержит экспедиционные тяготы – наверное, так оно и есть.

– Хорошо, – сказал он, – дело ваше. Нам потребуется провизии дня, по меньшей мере, на четыре, так что если у вас тяжелые приборы, лучше заранее договориться, чтобы кто-то их понес; у каждого и так наверняка будет куча всякого своего оборудования, – он покосился на тоненькую, пропитавшуюся потом хлопковую рубашку и грубовато добавил: –

Только оденьтесь потеплее, черт побери; схватите еще пневмонию.

Девушка удивленно замерла, потом глаза ее сердито вспыхнули; но Мак-Аран уже развернулся к капитану.

– Когда нам отправляться? Завтра?

– Нет; слишком многим из нас давно не удавалось толком выспаться, – отозвался Лейстер, очнувшись от секундной дремоты. – Про себя я уж не говорю – но ведь полэкипажа в таком же состоянии. Сегодня вечером я отдам приказ всем спать – кроме, разве что, наряда дежурных. Завтра утром все, за исключением ремонтников, освобождаются от работы – чтобы могли пойти на заупокойную мессу; потом всякая там инвентаризация, разбор завалов в грузовом отсеке... Так что, пожалуй, лучше бы вам отправиться дня через два, через три. Еще не придумали, кого хотите взять с собой из медслужбы?

– Можно Юэна Росса – если главврач его отпустит?

– Не возражаю, – отозвался Лейстер и на мгновение обмяк на стуле, очевидно, отключившись.

– Спасибо, сэр, – негромко произнес Мак-Аран и развернулся уходить. Невесомым, как перышко, прикосновением Камилла Дель-Рей тронула его за локоть.

– Не смейте осуждать его, – хриловато, с гневной дрожью в голосе прошептала она. – Он начал принимать стимуляторы еще за два дня до аварии и до сих пор на ногах – это в его-то возрасте! Я позабочусь, чтобы он поспал не меньше

суток – даже если для этого придется усыпить весь лагерь!

– ...вовсе не спал, – твердо произнес, встрепенувшись, Лейстер. – Еще вопросы есть? Мак-Аран? Ловат?

– Нет, сэр, – вежливо отозвался Мак-Аран и тихо выскользнул из купола, бросив напоследок взгляд на снова погружившегося в дремоту Лейстера. Первый помощник капитана Камилла Дель-Рей замерла над ним, как – на ум пришел неожиданный образ, и Мак-Аран вздрогнул – как свирепая тигрица-мать над тигренком. *Или над старым львом?* И какая ему, Мак-Арану, собственно, разница?

2

Почти все пассажирские отсеки корабля были залиты пеной из пожарных автоматов, поэтому капитан Лейстер приказал выдать участникам горной экспедиции теплые непромокаемые комбинезоны, используемые обычно экипажем при исследовании незнакомых планет. Им было сказано приготовиться к выходу на рассвете; и – на рассвете они уже были готовы, пристраивая на плечах рюкзаки с провизией, научным оборудованием и на скорую руку изготовленным походным снаряжением. Мак-Аран дождался, пока Камилла Дель-Рей давала последние наставления вахтенному.

– Вот время заката и восхода – настолько точно, насколько это вообще возможно измерить в наших условиях; а вот точный азимут на восход. Не исключено, что нам еще придется замерить местный полдень. Но каждый вечер, на закате, включайте в этом направлении самый мощный корабельный прожектор и держите включенным ровно десять минут. Это поможет нам не сбиться с курса, а заодно поточнее установить, где тут восток и запад. Я уже объяснила, как брать полуденные азимутальные отсчеты...

Она обернулась и увидела Мак-Арана.

– Я вас задерживаю? – хладнокровно поинтересовалась она. – Прошу прощения, но вы же понимаете, как важно правильно взять отсчет...

– Трудно не согласиться, – отозвался Мак-Аран, – но зачем у меня об этом спрашивать? Вы же старшая по званию во всей нашей экспедиции, не так ли, мадам?

– Ах, так вот что вас беспокоит! – Она изящно вздернула бровь. – Вообще-то, ничего подобного. Только на мостике. Капитан Лейстер поставил во главе экспедиции вас, и, поверьте, меня это вполне устраивает, Не исключено, что в альпинизме я понимаю не больше, чем вы в астрогации – или даже меньше. Я выросла в колонии на Альфе, а там, как прекрасно известно, сплошные пустыни.

Мак-Аран ощутил значительное облегчение – и одновременно некое капризное раздражение. Черт побери, эта дамочка больно уж восприимчива! Да, конечно, это сведет возможные трения к минимуму, если ему не придется каждый раз просить ее как старшего офицера отдать тот или иной приказ – или выдвинуть предложение. Но факт оставался фактом: каким-то образом ей удалось заставить его почувствовать себя назойливым и неумелым идиотом!

– Ладно, – сказал он, – отправляемся, как только вы будете готовы. У нас впереди весьма дальняя дорога – и по довольно пересеченной местности. В общем, раньше сядем – раньше выйдем.

Он отвернулся и критическим взглядом окинул остальных участников экспедиции. Юэн Росс навьючил на себя большую часть астрономического оборудования Камиллы Дель-Рей, поскольку, по его словам, аптечка почти ничего

не весила. Ему вполголоса говорила что-то Хедер Стюарт в неотличимом от остальных теплом форменном комбинезоне; наверно, это любовь, криво усмехнулся Мак-Аран, если девушка приходит помахать тебе на прощание ручкой в такую смертельную рань. У коренастой Джудит Ловат через плечо висела связка небольших контейнеров для образцов. Остальных двоих Мак-Аран видел впервые и решил сначала познакомиться, а потом уж дать команду выдвигаться.

– Кажется, мы встречались еще на корабле, – произнес Рафаэль, – но не уверен, что я вас знаю. Вы...

– Марко Забал. Ксеноботаник, – представился высокий горбоносый мужчина лет тридцати-сорока. – Меня просила помочь доктор Ловат. В горах я не новичок – вырос в Басконии, ходил в Гималаи...

– Очень рад, – произнес Мак-Аран. Они обменялись рукопожатием. Удачно, что в составе экспедиции есть еще кто-то с горным опытом. – А вы?

– Льюис Мак-Леод. Зоолог и ветеринар.

– Из экипажа или колонист?

– Колонист. – На лице Мак-Леода мелькнула улыбка. Он был невысок, полноват и с очень светлой кожей. – И предупреждаю заранее: никакого альпинистского опыта. Но я из горной Шотландии, а у нас до сих пор приходится немало побегать на своих двоих – причем вертикальная составляющая рельефа гораздо ощутимей, чем горизонтальная.

– Что ж, и на том спасибо, – произнес Мак-Аран. – Теперь,

когда все в сборе... Юэн, прощайся с девушкой, и двинулись.

Хедер отбросила капюшон и негромко рассмеялась; девушка невысокая и весьма изящного сложения – в комбине-зоне, который был ей великоват, она казалась совсем хрупкой.

– Ну хватит, Рэйф. Я иду с вами. Я же микробиолог и буду собирать образцы для доктора Ловат.

– Но... – Мак-Аран в замешательстве нахмурился. Он мог понять, зачем с ними должна идти Камилла – в своем деле она разбиралась лучше, чем любой мужчина. Теперь понятно, почему доктор Ловат выглядит такой озабоченной. – Я же специально просил подобрать для этой экспедиции мужчин, и покрепче, – проговорил он. – Местность впереди чертовски пересеченная. – Ожидая встретить поддержку, он перевел взгляд на Юэна, но тот только рассмеялся.

– Я что, должен процитировать Билль о правах? «Любое ущемление права на труд вследствие расовых, религиозных или половых предубеждений является противозаконным...»

– О Господи, только выслушивать четвертую статью мне тут не хватало, – пробормотал Мак-Аран. – Если Хедер так уж хочется сносить до дыр башмачки, а ты не против, то я и подавно не стану возражать, – он не мог отделаться от подозрения, что все это подстроено Юэном. Ничего себе начало! А он-то уже размечтался, несмотря на столь серьезную цель экспедиции, полазать по неисследованной горе – и тут, вот-те на, выясняется, что он должен тащить с собой не толь-

ко астрогаторшу (которая, хотя бы, явно в неплохой физической форме), но плюс доктора Ловат (которая, пусть еще далеко не в преклонных годах, но все же не так молода и энергична, как хотелось бы) и Хедер – вообще, судя по всему, тепличный цветок.

– Ладно, двинулись, – произнес он, надеясь, что прозвучало это не слишком мрачно.

Походный порядок был организован следующим образом: впереди шел сам Мак-Аран, сразу за ним – доктор Ловат и Хедер с Юэном (чтобы сразу стало понятно, не слишком ли высокий темп он задал), затем Камилла и Мак-Леод, а замыкающим двигался имеющий горный опыт Марко Забал. Только они отошли от корабля и миновали скопление на скорую руку возведенных домиков, как из-за холмов на горизонте стало подниматься огромное красное солнце, словно воспаленный и налитый кровью гигантский глаз. В долине, где упал корабль, густой стеной стоял утренний туман, но вот экспедиция направилась вверх по склону, и туман стал редеть, рассеиваться, а Мак-Аран невольно ощутил духовный подъем. Не такой это уж, все-таки, пустяк – возглавлять исследовательскую экспедицию (может быть, единственную на сотни лет вперед) на совершенно новой планете.

Они шли молча; им было на что посмотреть. Выбравшись на гребень долины, Мак-Аран остановился и подождал, пока остальные его нагонят.

– У меня нет почти никакого опыта с чужими планета-

ми, – произнес он, – но вот что я скажу. Не забредайте в незнакомый кустарник, смотрите, куда идете, и... надеюсь, мне не надо предупреждать, что ни в коем случае нельзя ничего ни пить, ни есть, пока доктор Ловат не даст «добро». Вы двое специалисты, – он кивнул Забалу и Мак-Леоду, – можете что-нибудь добавить?

– Только общее пожелание: вести себя как можно осторожней, – отозвался Мак-Леод. – Откуда мы знаем, может, вся эта планета кишит ядовитыми змеями и рептилиями... Впрочем, комбинезоны предохранят нас практически от любых невидимых опасностей. На самый крайний случай, у меня есть пистолет – вдруг нападет динозавр или какой-нибудь крупный хищник – но всегда лучше бежать, чем поднимать стрельбу. Не будем забывать, наша задача – предварительное обследование, так что не стоит слишком увлекаться классифицированием или сбором образцов; об этом позаботится следующая экспедиция.

– Если она будет, следующая экспедиция, – пробормотала Камилла. Сказано это было себе под нос, но Рафаэль услышал и недовольно покосился на нее. Вслух же только сказал:

– Общая команда – взять по компасу направление на пик; и не забывайте каждый раз делать поправки, когда будем сбиваться с азимута из-за рельефа. Отсюда пик виден; но дальше, в предгорьях, может получиться так, что не будет видно ничего, кроме вершины ближайшего холма или сплошных деревьев.

Поначалу идти было легко и даже приятно – вверх по пологим склонам, между высокими, глубоко зарывшимися корнями в землю стволами хвойных деревьев, удивительно тонких для своей высоты, с длинными сине-зелеными иголками на узких ветках. Если бы не тускло светящее сквозь кроны красное солнце, можно было бы подумать, что они в обычном земном заповеднике. Время от времени Марко Забал ненадолго покидал строй – получше присмотреться к какому-нибудь дереву, листу или переплетению корней; а как-то раз меж стволами мелькнул маленький зверек и тут же опрометью бросился назад, в лес.

– Пункт первый, – сказал Льюис. Мак-Леод доктору Ловат, проводив зверька полным сожаления взглядом. – Тут водятся покрытые мехом млекопитающие. Возможно, сумчатые, но не уверен.

– А я думала, вы собирались брать образцы, – произнесла женщина.

– Я и возьму, на обратном пути. Я же не смогу сохранить их живыми – откуда я знаю, чем их кормить? Но если вас волнуют, в первую очередь, гастрономические соображения, то могу успокоить: пока что все млекопитающие, на всех планетах, оказывались вполне съедобными. Может, не всегда очень вкусными – но, очевидно, у любых молокоотделяющих животных биохимия весьма сходна.

Джудит Ловат заметила, что толстенький коротышка-зоолог громко пыхтит от натуги, но ничего не сказала. Она пре-

красно понимала, как это волнующе – быть первым, кто увидит и классифицирует дикую жизнь на совершенно незнакомой планете; обычно этим занимались профессионалы экстра-класса из Передовых Отрядов... Впрочем, наверно, Мак-Аран не взял бы зоолога в экспедицию, если бы посчитал, что тот физически недостаточно подготовлен.

О том же думал Юэн Росс, шагая рядом с Хедер; что он, что она предпочитали не расходовать дыхания на болтовню. «Рэйф задал не слишком высокий темп, – думал Юэн, – но все равно я не уверен, что наши дамы выдержат его до конца». И когда Мак-Аран объявил привал – через час с небольшим после выхода – Росс оставил девушку и подошел к Мак-Арану.

– Скажи, Рэйф, какой высоты этот пик?

– Трудно сказать, слишком он от нас далеко. Скорее всего, тысяч восемнадцать – двадцать футов.

– Думаешь, нашим дамам это под силу?

– Камилле в любом случае придется лезть – ей нужно сделать астрономические наблюдения. Если понадобится, мы с Забалом ей подсобим; а вы можете встать лагерем на нижних склонах, если не будет настроения забираться наверх.

– У меня-то настроение есть, – заявил Юэн. – Не забывай, в здешнем воздухе кислорода больше, чем в земном, и кислородное голодание начинается гораздо выше.

Он обвел взглядом группу; все сидели и отдыхали, кроме Хедер Стюарт, выкапывающей образец почвы и помеща-

ющей в контейнер. А Льюис Мак-Леод растянулся на земле во весь рост, тяжело дыша и зажмурил глаза. При виде этого Юэну стало тревожно – его тренированный глаз заметил то, что укрылось от внимания Джудит Ловат; но Юэн промолчал. Не мог же он потребовать, чтобы зоолога отослали назад – по крайней мере, одного.

Молодому доктору показалось, что Мак-Аран читает его мысли; тот вдруг отрывисто произнес:

– Тебе не кажется, что пока все идет как-то слишком легко, слишком... хорошо? Должен же в этой планете быть какой-то подвох. Больно похоже на пикник где-нибудь в заповеднике.

«Ничего себе пикничок, пятьдесят с лишним трупов и больше ста раненых», – подумал Юэн, но промолчал, вспомнив о погибшей сестре Рэйфа.

– Почему бы и нет, Рэйф? – наконец произнес он. – Разве есть такой закон, что неисследованная планета обязательно должна быть опасной? Может, мы просто настолько привыкли к жизни на Земле, без малейшего риска, что без помощи техники боимся и шага ступить? – Он улыбнулся. – Разве не ты жаловался, будто на Земле все горные склоны – включая слаломные трассы – настолько сглажены, что искать острых ощущений лишено всякого смысла? Впрочем, это я все понаслышке – я-то никогда не был особым любителем острых ощущений.

– Может, в чем-то ты и прав, – отозвался Мак-Аран, но

хмурая складка между бровей упорно не желала разглаживаться. – Но, если так, зачем вся эта возня с Передовыми Отрядами, когда открывают новые планеты?

– Понятия не имею. А, может, на планете, где нет человека, не водятся и его природных врагов?

Последнее соображение должно было утешить Мак-Арана; но вместо этого по спине у него пробежал холодок. Если человек тут чужой – сумеет ли он вообще выжить? Вслух Мак-Аран этого предпочел не говорить.

– Давайте-ка лучше двигаться, – произнес он. – Нам еще далеко идти, а я хотел бы к вечеру быть, как минимум, у подножия.

Он подошел к Мак-Леоду; тот с трудом поднимался на ноги.

– С вами все в порядке, доктор? – поинтересовался он.

– Лучше зовите меня Мак, – со слабой улыбкой отозвался тот. – Ну ее к черту, корабельную дисциплину. Да, со мной все в порядке.

– Вы у нас специалист по животным. Есть уже какие-нибудь теории, почему мы до сих пор не видели никого крупнее белки?

– Целых две теории, – отозвался Мак-Леод, широко ухмыльнувшись. – Первая, разумеется, что их просто нет. А вторая, которую я и собираюсь защищать с пеной у рта, что когда мы вшестером – нет, всемером – с таким грохотом лопимся через кустарник, все, у кого мозг больше, чем у бел-

ки, стараются держаться подальше.

Мак-Аран усмехнулся; Мак-Леод в его глазах сразу подрос на несколько пунктов.

– Может, постараться потише? – поинтересовался он.

– С трудом представляю, как это у нас получится. Лучше подождем ночи. Тогда – если работает аналогия с Землей – на охоту выйдут крупные хищники, в надежде накрыть свою добычу спящей.

– Значит, надо будет позаботиться, чтобы нами по ошибке не закусили, – произнес Мак-Аран, глядя, как остальные вскидывают на плечи рюкзаки и выстраиваются походным порядком. «О хищниках-то, – думал он, – я и забыл». Истинная правда: болезненная забота о безопасности привела к тому, что на Земле для человека практически не осталось опасностей, кроме рукотворных. Даже сафари в джунглях устраивалось на грузовиках с застекленным кузовом; Мак-Арану и в голову не пришло бы, что в лесу ночью на охотничью тропу могут выходить опасные хищники.

После привала прошло минут сорок. Деревья росли все гуще и гуще, а кустарник становился все более цепким и раскидистым; чтобы пройти, уже приходилось отводить в стороны ветки. Вдруг Джудит остановилась и, сморщившись в болезненной гримасе, принялись тереть глаза; а Хедер подняла руки и с ужасом уставилась на свои ладони.

– В чем дело? – тут же встрепнулся шедший рядом Юэн.

– Мои руки... – прошептала Хедер побелевшими губами.

– Рэйф, погоди минутку! – крикнул Юэн, и неровный строй замер. Осторожно взявшись за кончики тонких пальцев, молодой врач стал внимательно разглядывать кисти рук девушки, покрывающиеся узором зеленых пятнышек.

– Джуди! – выкрикнула сзади Камилла. – О Господи! Посмотрите на нее!

Юэн развернулся и уставился на доктора Ловат. Щеки и веки ее были усыпаны зелеными пятнами, которые, казалось, на глазах разрастаются и набухают. Та плотно зажмурилась и собралась было снова потерять веки, но Камилла осторожно перехватила ее руки на полпути.

– Джуди, не трогайте больше лицо... Доктор Росс, что это такое?

– А черт его знает!

Тем временем подоспели остальные, и Юэн обвел всех изучающим взглядом.

– Никто больше пока не зеленеет? Ну тогда ладно, Значит, так: это моя работа, а вы на всякий случай держитесь подальше, пока не разберемся, во что это вляпались. Хедер! – Он потряс девушку за плечо. – Прекрати! Может, это и не смертельно. На первый взгляд, кроме зеленой сыпи на руках, с тобой все в порядке.

– Х-хорошо. – Выло видно, с каким трудом Хедер удерживается от истерики.

– Вот. Теперь опиши как можно точнее, что ты чувствуешь. Тебе больно?

– Нет... Но они чешутся, черт бы их побрал!

Она неровно дышала, лицо ее покраснелось; на лоб упала прядь медно-золотистых волос, и Хедер подняла руку поправить прическу. Юэн перехватил ее кисть, стараясь касаться только обшлага.

– Ни в коем случае не трогай лицо! – сказал он. – А то с тобой будет то же самое, что с доктором Ловат. Доктор Ловат, как вы себя чувствуете?

– Не так, чтобы очень, – с некоторым усилием отозвалась та. – Все лицо горит, как в огне, и глаза... в общем, сами видите.

– Это точно... – протянул Юэн.

Тем временем у Джудит Ловат распухли и позеленели веки, и вид у нее стал совершенно гротескный.

«Интересно, – мелькнула у Юэна мысль и тут же скрылась, – им заметно, что в глубине души меня просто трясет от страха?» В космический век страшные истории об экзотических инопланетных болячках впитывались с молоком матери. Но он был врач; и это его работа.

– Значит, так, – произнес он насколько мог твердо, – всем остальным отступить на шаг. И не бойтесь; будь это что-то легочное, мы бы давно уже все заразились – может, даже и в первую ночь. Доктор Ловат, еще какие-нибудь симптомы есть?

– Нет, – попыталась улыбнуться Джуди. – Только... я боюсь.

– Ну, это не самое тревожное... пока, – сказал Юэн. Натянув тонкие резиновые перчатки, он измерил доктору Ловат пульс. – Ни тахикардии, ни затрудненного дыхания. А ты как, Хедер?

– Все нормально, если б не этот чертов зуд!

Юэн пристально взгляделся в зеленые пятнышки. Поначалу они были совсем крошечными, не больше булавочного укола, но каждая папула на глазах набухала до здоровенной везикулы.

– Ладно, займемся отсечением лишнего, – произнес Юэн. – Хедер, было что-нибудь такое, чем занимались только вы с доктором Ловат?

– Я собирала образцы грунтов, искала почвенные бактерии, диатомеи...

– А я рассматривала какие-то листья, – сказала Джуди, – достаточно ли в них хлорофилла...

– Давайте я буду сегодня Шерлоком Холмсом, – объявил Марко Забал, отворачивая обшлага куртки. – Вот в чем все дело. – Он продемонстрировал одно-два крошечных зеленых пятнышка у запястья. – Мисс Стюарт, вам не приходилось разгребать палую листву, чтобы взять образцы почвы?

– Э... приходилось, – отозвалась Хедер. – Такие плоские, красноватые листья.

– В этом-то все и дело, – кивнул Забал. – Как любой уважающий себя ксеноботаник, я не трогаю незнакомой флоры без перчаток, пока не выясню, что это за растение; я заметил,

что красные листья покрыты эфирными маслами, но подумал, что так и надо. Вероятно, какой-то дальний родственник урушиола – *rhus toxicodendron* – вроде вашего сумаха ядоносного. Смею предположить, что если сыпь появилась так быстро, то это простой контактный дерматит, без каких бы то ни было опасных последствий. – Длинное узкое лицо его прорезала усмешка. – Советую попробовать антигистаминовую мазь, если такая есть в аптечке; а доктору Ловат надо бы вколоть чего-нибудь посильнее, а то ее веки так распухли, что она почти совсем не видит. Так что теперь лучше не трогайте, пожалуйста, никаких хорошеньких листочков, пока я не дам «добро». Ладно?

Юэн последовал совету ксеноботаника с облегчением чуть ли не болезненным. Похоже, инопланетные болячки оказались доктору Юэну Россу несколько не по зубам. Он вколол Джудит Ловат здоровую дозу антигистаминов, и опухоль на веках тут же спала, хотя зеленоватый оттенок остался.

– Красная опасность, от которой зеленеют, – сухо произнес высокий баск, демонстрируя всем образцы листа, запечатанный в прозрачный пластиковый контейнер. – Вот совет на будущее: научитесь держаться по возможности подальше от незнакомых растений.

– Ну что, если все в порядке, то двинулись дальше, – произнес Мак-Аран, с плеч которого словно гора свалилась; и пока остальные надевали рюкзаки, Рафаэля снова заколо-

тила холодная дрожь. Какие еще угрозы могут таить в себе самого невинного вида дерево-или цветок?

– Говорил же я, слишком тут хорошо, чтобы это было взаправду, – вполголоса бросил он Юэну.

Реплика донеслась до слуха Марко Забала, и тот усмехнулся.

– Мой брат, – сказал он, – был в Передовом Отряде, poslanном в систему Короны. Вот почему я туда направлялся... и вот откуда все мои феноменальные познания. Экспедиционный Корпус старается не слишком афишировать, что новые миры могут оказаться неистошими на неприятные сюрпризы; иначе никого вообще с нашей родной уютной планетки было бы в колонии и калачом не заманить. Ну а к тому времени, когда прибывают основные поселенцы, – как наши колонисты, например, – Передовые Отряды обычно уже ликвидируют главные опасности и, как бы это сказать... наводят некоторый глянец.

На это Мак-Аран ничего не ответил и только повторил: «Двинулись». Планета действительно дикая, и что тут можно поделать? Он же сам когда-то хвастался, что любит риск – что ж, наконец ему представилась возможность рискнуть.

Но больше никаких происшествий не было, и незадолго до полудня они устроили привал – перекусить и дать возможность Камилле Дель-Рей повозиться с гномоном.

– Чем это вы таким занимаетесь? – поинтересовался Мак-Аран, пристраиваясь рядом с ней. Та сосредоточенно наблю-

дала за воткнутым в землю небольшим столбиком.

– Ловлю момент, когда будет самая короткая тень – это точный астрономический полдень. Я измеряю длину, тени каждые две минуты – и если та начнет удлиняться, значит, я поймала двухминутный интервал, когда солнце было точно на меридиане. Для наших измерений знать истинный местный полдень с такой точностью достаточно. – Она повернулась к Мак-Арану и спросила тоном ниже: – С Хедер и Джудит действительно все в порядке?

– О, да. Юэн не раз осматривал их по пути. Он говорит, что понятия не имеет, как долго будет сходить эта зелень, но с ними действительно все в порядке.

– Я чуть не сорвалась в истерику, – пробормотала Камилла. – Смотрю на Джудит, и мне становится стыдно. Она вела себя так спокойно...

Мак-Аран не сумел точно уловить момент, когда «лейтенант Дель-Рей», «доктор Ловат» и «доктор Мак-Леод» (а на корабле ко всем, кроме ближайших знакомых, было принято обращаться именно так) превратились в Камиллу, Джуди и Мака. Мак-Аран это только приветствовал. Не исключено, что им предстоит задержаться тут надолго. Он вкратце поделился с Камиллой этим своим наблюдением, потом вдруг спросил:

– Вы хотя бы примерно представляете, на сколько затянется ремонт?

– Совсем не представляю, – ответила она. – Но капитан

Лейстер говорит – шесть недель, если это в наших силах.

– «Если»?

– Разумеется, это в наших силах, – отрывисто произнесла она и отвернулась. – Другого выхода просто нет. Не можем же мы остаться здесь.

«Интересно, чего тут больше, фактов или оптимизма?» – подумал Мак-Аран, но спрашивать не стал. Следующая его реплика была какой-то обычной банальностью насчет качества сублимированной пищи и скромным пожеланием в адрес Джуди отыскать подходящий подножный корм.

Солнце начало – медленно опускаться к далекой горной цепи; стало прохладней, поднялся сильный ветер.

– Похоже, плакали мои астрономические наблюдения, – пробормотала Камилла, опасливо разглядывая сгущающиеся облака. – На этой чертовой планете что; каждый вечер обязательно идет дождь?

– Похоже на то, – лаконично отозвался Мак-Аран. – Может, конечно, – добавил он по некотором размышлении, – это просто сезон такой. Но пока что все происходит достаточно однообразно: в полдень жара, потом быстро холодает, днем облачно, вечером дождь, к полуночи снег. А утром туман.

– Насколько я понимаю, – нахмурила брови Камилла, – сейчас должна быть весна; по крайней мере, за каждые из последних пяти суток световой день удлинялся, примерно на три минуты. Похоже, ось этой планеты наклонена к плоско-

сти орбиты гораздо сильнее, чем земная – оттого и такие резкие погодные скачки. Но, может быть, когда снегопад пройдет, а туман еще не поднимется; небо ненадолго прояснится... – И она задумчиво умолкла. Мак-Аран не стал ее отвлекать, а когда в воздухе повисла мелкая морось, принялся искать место для лагеря. Хорошо бы успеть поставить палатку прежде, чем морось превратится в ливень.

Пологий склон спускался к широкой, поросшей очень редким лесом долине – не на самом их пути, милях в двух-трех южнее, но весьма приятной на вид и зеленой. Мак-Аран задумчиво обвел ее взглядом, прикидывая, что будет меньшим из зол: крюк в несколько миль или ночевка в лесу. Очевидно же, что в предгорьях такие маленькие долины не редкость; а через эту, похоже, еще и бежала узенькая водяная струйка... Речка? Ручей? Может, удастся пополнить запасы воды?

– Да, конечно, воду надо проверить обязательно, – отозвался Мак-Леод, когда Мак-Аран поделился с ним своими сомнениями. – Но разбить лагерь безопасней тут, посреди леса.

– Почему?

Вместо ответа Мак-Леод махнул рукой вниз; проследив за его взглядом, Мак-Аран увидел стадо каких-то животных. Как следует их было не рассмотреть, но больше всего они напоминали небольших пони.

– Вот почему, – сказал Мак-Леод. – Откуда мы знаем, мо-

жет, они, конечно, и неопасные... или даже одомашненные. А уж если они пасутся, то, значит, точно не хищные. Но мне как-то не хотелось бы ночью оказаться у них на пути, если им вдруг взбредет в голову устроить забег. Затопчут. А в лесу мы заранее услышим, если кто будет приближаться.

– Может быть, они годятся в пищу, – заметила подошедшая Джудит. – Или их можно приручить, если когда-нибудь эту планету соберутся заселять – не надо будет завозить с Земли мясной скот и выючных животных.

«Трагедия прямо какая-то, – думал Мак-Аран, провожая взглядом плавно текущее по зеленому травяному покрову стадо, – ну почему человек способен думать о животных только с точки зрения того, что они могут ему дать? Черт побери, я ведь не меньше любого другого ценю хороший кусок мяса; с чего это вдруг такой миссионерский настрой?» Не говоря уже о том, что через несколько недель они, может быть, отсюда уже улетят – и низкорослые непарнокопытные останутся предоставлены сами себе, на веки вечные.

Они встали лагерем прямо на склоне; дождь моросил все сильнее, и Забал принялся разводить огонь.

– Надо бы мне на закате подняться на вершину холма и попробовать установить направление на корабль, – сказала Камилла. – Они обещали специально включать прожектор.

– В такой дождь вы ничего не разглядите, – резко отозвался Мак-Аран. – Видимость не больше полумили. Самый мощный прожектор не пробьется через эту кашу, Забирай-

тесь под тент, вы и так уже промокли до нитки.

– Мистер Мак-Аран, – волчком развернулась к нему Камилла, – неужели надо опять напомнить, что я не обязана подчиняться вашим приказам? Вы командуете этой экспедицией – но у меня свое поручение от капитана Лейстера, и я обязана его выполнять. – Она отвернулась от небольшого пластикового куполообразного тента и направилась вверх по склону. Мак-Аран, кляня всех упрямых офицеров космического флота женского пола вместе взятых, устремился за ней.

– Можете вернуться, – отрывисто произнесла Камилла. – Инструменты у меня с собой. Справлюсь и сама.

– Вы только что сказали, что экспедицией командую я. Хорошо, черт побери, тогда я приказываю, чтобы никто не отходил от лагеря один! Никто – даже, в том числе, и старший помощник капитана!

Не говоря ни слова, она отвернулась и принялась карабкаться вверх по склону, потуже затянув горловину капюшона пуховки. Дождь припустил гуще, косо секущие струи стали совсем ледяными, и Камилла несколько раз шумно оступилась в кустарнике, несмотря на мощный фонарь. Мак-Аран нагнал ее и крепко взял под локоть.

– Не валяйте дурака, лейтенант! – выдохнул он, когда та попыталась стряхнуть его ладонь. – Если вы сломаете ногу, нам придется вас тащить – или поворачивать назад! Двоим явно проще найти дорогу в этой каше, чем одному. Давайте же – держитесь за мою руку. – Камилла продолжала оцепе-

нело, как автомат, карабкаться вверх, и Мак-Аран прорычал: – Черт побери, да будь вы мужчиной, я не предлагал бы вам помощи – я приказал бы ее принять!

– Хорошо, – коротко рассмеялась она и крепко уцепилась за его локоть; по размокшей земле заплясали рядом круги света от двух фонарей. Мак-Аран слышал, как Камилла стучит зубами от холода, но от нее не донеслось ни слова жалобы. Склон становился все круче, и последние несколько футов Мак-Арану пришлось карабкаться на четвереньках, а потом помогать девушке взобраться следом. Выпрямившись, она принялась оглядываться и, в конце концов, ткнула пальцем в еле проглядывающий сквозь стену отвесного дождя отблеск света.

– Это может быть то, что надо? – неуверенно поинтересовалась она. – По направлению, вроде бы, похоже...

– Если прожектор лазерный, – тогда, пожалуй, его может быть видно и сквозь дождь, даже из такой дали. – Свет померк, на секунду вспыхнул и снова погас. Мак-Аран выругался. – Это уже не дождь, а настоящий мокрый снег! Давайте спускаться, а то как бы не пришлось скатываться вниз по льду.

Склон под ногами был крутой и скользкий, и как-то раз Камилла оступилась на обледенелом листовенном перегное и покатила вниз, пока ее не остановил огромный древесный ствол; там она и лежала, оглушенная, покуда Мак-Аран, выкрикивая: «Камилла!» – и вода фонарем из стороны в сто-

рону, не поймал ее в луч света. Дыхание вырывалось изо рта девушки спазматическими всхлипами, ее трясло от холода, но когда Мак-Аран протянул руку, она мотнула головой и поднялась на ноги.

– Спасибо, я как-нибудь сама... но все равно спасибо, – нехотя добавила она.

Камилла чувствовала себя изможденной и униженной до последней степени. Всю жизнь ей втолковывали, что главный долг ее – работать наравне с мужчинами, и в обычном ее мире, мире машин и кнопок, брать в расчет физическую силу и выносливость ей и в голову не пришло бы. Ни на мгновение не приходилось ей задуматься о том, что самые изматывающие физические упражнения, какие встречались в ее практике – это занятия гимнастикой в спортивном зале, на корабле или на космической станции. Ей казалось, будто каким-то образом она не оправдала возложенного на нее доверия, оказалась-недостойной. А ведь считается, что офицер космического флота компетентней любого штатского! Она устало тащилась вниз по крутому склону, с угрюмым упорством передвигая ноги, и чувствовала, как слезы досады и усталости замерзают на холодных щеках.

Мак-Аран, медленно спускаясь следом за ней, и не подозревал о происходящей в душе девушки борьбе; но как она устала, он понял по ее поникшим плечам. Секунду поколебавшись, Рэйф нагнал ее, осторожно обнял за талию и негромко произнес:

– Как я уже говорил, если вы снова упадете и расшибетесь, нам придется вас нести. Разве вам этого так хочется, Камилла?.. Вы ведь позволили бы Дженни помочь вам, правда? – неуверенно добавил он.

Она ничего не ответила, но позволила себе опереться на его плечо. Мак-Аран направил ее нетвердый шаг к пробивающемуся сквозь полупрозрачный купол тента огоньку. Где-то над головой, в переплетающихся ветвях деревьев, ночная птица хриплым криком на мгновение перекрыла шум дождя и мокрого снега – и тут же умолкла. Даже собственные шаги их звучали здесь незнакомо и странно.

Оказавшись под тентом, Мак-Аран как-то разом обмяк, с благодарностью принял из рук Мак-Леода пластиковую чашку с горячим чаем и осторожно отступил в угол, где бок о бок были разложены спальные мешки его и Юэна. Потягивая ароматный напиток, Мак-Аран стряхивал с ресниц крошечные льдинки; Хедер и Джуди суетились над Камиллой, помогая той снять обледеневшую пуховку, укутывая в одеяло и отпаивая горячим чаем.

– Что там творится? – поинтересовался Юэн. – Дождь? Град? Мокрый снег?

– Пожалуй, и то, и другое, и третье. Такое впечатление, будто мы угодили в самый эпицентр экваториального шторма. Не может же такое безобразие твориться тут круглый год!

– Направление засекли?

Мак-Аран утвердительно кивнул.

– Следовало бы пойти кому-то из нас, – вполголоса произнес Юэн. – Госпожа лейтенант явно не лучший в мире ходок по такому рельефу и в такую погоду. Что вообще ее туда понесло?

Мак-Аран покосился на Камиллу; та сидела, закутавшись в одеяло, и потягивала горячий чай, а Джуди сушила ее мокрые спутанные волосы.

– *Noblesse oblige*,¹ – отозвался вдруг к собственному удивлению Мак-Аран.

– Понимаю... – кивнул Юэн. – Хочешь супа? Джуди творит с полуфабрикатами настоящие чудеса. Удачно, что ни говори, иметь под боком профессионального диетолога.

Они все смертельно устали и почти не обсуждали увиденного за день; да и в любом случае оглушительно бушующая снаружи стихия делала разговор затруднительным. Через полчаса все уже поели и расползлись по своим спальным мешкам. Хедер придвинулась поближе к Юэну, устроив голову у того на плече, и лежавший следующим Мак-Аран ощутил укол невнятной, бесформенной зависти. В этой близости не было почти ничего сексуального. Скорее, она проявлялась в том, как осторожно, почти бессознательно эти двое меняли по очереди положение тела, лишь бы не потревожить другого. Сам того не желая, Мак-Аран вспомнил то

¹ Благородство обязывает (*фр.*); в наш демократический век чаще переводят как «положение обязывает».

мгновение, когда Камилла позволила себе опереться на его плечо, и криво усмехнулся в темноте. Вот уж кто-кто, а она явно терпеть его не может... да и ему-то не больно интересно. Но, черт побери, что-то в ней есть!

Сон не шел, и Мак-Аран лежал, прислушиваясь к шуму ветра в тяжелых кронах деревьев, к далекому грохоту и треску падения не выдержавшего натиска бури гигантского ствола («Бог ты мой! Да стоит такому упасть на тент – от нас и мокрого места не останется»), к странным звукам из окружающего купол кустарника (словно сквозь колючую поросль ломались какие-то животные). В конце концов Мак-Аран забылся, но сон его был беспокойным; сквозь дрему Рафаэль слышал постанывания Мак-Леода, потом Камилла издала леденящий душу крик и тут же снова погрузилась в сон. К утру буря утихла, дождь прекратился, и Мак-Аран заснул как убитый; только из какой-то страшной дали доносились рык и щебет неизвестных зверей и птиц, наводнивших ночной лес и далекие холмы.

3

Незадолго перед рассветом его разбудило шевеление в дальнем углу палатки. Приоткрыв один глаз, он увидел, что Камилла вылезает из спального мешка и с трудом натягивает на себя задубевшую с вечера форму.

– В чем дело? – прошептал он, неслышно выскользнув из своего мешка.

– Дождь перестал, и небо ясное; мне хотелось бы взглянуть на звезды и снять несколько спектрограмм, пока нет тумана.

– Хорошо. Вам помочь?

– Нет. С приборами мне поможет Марко.

Мак-Аран собрался было запротестовать, но передумал, пожал плечами и забрался обратно в мешок. Не от него одного все зависит. Она знает свое дело и не нуждается в его неусыпном наблюдении. Это она дала понять совершенно недвусмысленно.

Но какое-то смутное предчувствие не давало ему заснуть; он беспокойно ворочался в полудреме, а вокруг просыпался лес. Порхая с дерева на дерево, перекликались птицы – то хрипло и пронзительно, то проникновенно и щебечуще. Кто-то кряхтел и шуршал в кустарнике, а издали доносился звук, напоминающий собачий лай.

И вдруг тишину разорвал ужасный вопль – однозначно че-

ловеческий, исполненный чудовищной муки хриплый крик, повторившийся дважды и оборвавшийся жутким клокочущим стоном.

Полуодетый, Мак-Аран выскользнул из спального мешка и выскочил из палатки; на полшага от него отставал Юэн, за Юэном наружу высыпали остальные – кто в чем был, сонные, перепуганные, ничего не понимающие. Мак-Аран устремился на звук, к вершине холма; оттуда громко звала на помощь Камилла.

Она установила спектрограф на полянке у самой вершины, но теперь прибор валялся на земле, а рядом, бессвязно стеная, бился в конвульсиях Забал. К лицу его прихлынула кровь, оно жутко распухло; Камилла же лихорадочно отряхивалась, то и дело подтягивая перчатки.

– В двух словах – что случилось? – бросил Камилле Юэн, упав на колени рядом с извивающимся на земле ксеноботаником.

– Какие-то твари... как насекомые, – выдавила она и протянула дрожащие руки. На затянутой в перчатку ладони лежало раздавленное насекомое, ярко-оранжевое с зеленым, меньше двух дюймов в длину, с загнутым скорпионьим хвостом и жутковатого вида жалом там, где, по идее, была морда. – Он ступил вон на тот бугорок, я услышала крик, и он упал...

Юэн поставил аптечку на землю и энергичными круговыми движениями принялся массировать Забалу левую сторо-

ну груди. Подбежавшей Хедер он скомандовал срезать с ксеноботаника одежду; от прилива крови лицо Марко становилось все темнее и темнее, а укушенная рука страшно распухла. Забал уже потерял сознание и только бессвязно, горячечно стонал.

«Мощный нервный яд, – подумал Юэн, – сердце отказывает, дыхание затруднено». Единственное, что он мог сделать – это вколоть стимулятор помощнее и ждать наготове, если вдруг понадобится делать искусственное дыхание. Он не осмеливался дать укушенному даже болеутоляющего, так как все наркотики одновременно являлись респираторными депрессантами. Затаив дыхание, он ждал, приставив к груди Забала стетоскоп; но вот, вроде бы, сбивчиво стучащее сердце забилося ровней. Юэн поднял голову, покосился на бугорок, о котором говорила Камилла, поинтересовался, кусали ее или нет, – не кусали, но два этих жутких насекомых заползли к ней на рукав, – и потребовал, чтобы все встали как можно дальше от бугорка, муравейника или как его там. «Чистое везенье, что в темноте мы не поставили прямо на него палатку! А Мак-Аран и Камилла вечером вполне могли прямо туда вляпаться – или под снегом эти твари впадают в спячку?»

Время тащилось ползком. Забал стал дышать более ровно, изредка постанывая, но в сознание не приходил. Огромное красное солнце, источая туман, медленно, поднялось из-за окружающих холмов.

Юэн послал Хедер в палатку за большой аптечкой; Джу-ди и Мак-Леод принялись готовить завтрак. Камилла стоически обрабатывала результаты нескольких измерений, которые успела проделать до нападения скорпиономуравьев – так их временно окрестил Мак-Леод, изучив раздавленный экземпляр.

– Жить будет? – спросил у Юэна Мак-Аран, присев рядом с лежащим без сознания Забалом.

– Не знаю. Возможно. Подобное мне приходилось видеть один-единственный раз в жизни – когда ко мне обращались с укусом гремучей змеи. Но одно могу сказать точно: сегодня ему нельзя двигаться никуда; и завтра, вероятно, тоже.

– Может, перенести его в палатку? – спросил Мак-Аран. – Вдруг тут еще где-то ползают эти твари...

– Лучше пока не трогать. Может быть, через пару часов.

Мак-Аран поднялся, в замешательстве глядя на лежащего без сознания Забала. Им нельзя задерживаться – но в экспедиции не было ни одного лишнего человека, и послать к кораблю за помощью некого.

– Мы должны двигаться дальше, – наконец произнес Мак-Аран. – Давай договоримся так: через несколько часов мы перенесем Марко под купол, там безопасней, и ты останешься за ним ухаживать. Остальные, в общем-то, могут заниматься своими исследованиями прямо здесь – собирать образцы почвы, флоры, фауны... Но нам с лейтенантом Дель-Рей обязательно надо забраться как можно выше – мне при-

кинуть массу планеты, ей для астрономических наблюдений. Так что мы уйдем вперед настолько далеко, насколько удасться. Если пик окажется недоступным, мы не станем и пытаться лезть – померяем, что сможем, и тут же вернемся.

– Не лучше ли немного подождать – может, еще получится выйти всем вместе? Мы же понятия не имеем, на что еще можно наткнуться в этом лесу.

– У нас нет времени, – нервно произнесла Камилла. – Чем скорее мы выясним, где находимся, тем скорее появится возможность... – Она умолкла.

– Не имеем, причем, ни малейшего, – кивнул Мак-Аран. – Может быть, как раз все наоборот: чем меньше отряд, тем в лесу безопасней, а одному – так просто безопасней некуда. Вероятность совершенно одинакова. По-моему, нам следует все-таки разделиться.

На том и порешили; через два часа Забал так и не пришел в себя. Мак-Аран, Юэн и Мак-Леод соорудили из подручных материалов носилки и перенесли его под тент. Не все были согласны с тем, что следует разделиться, но всерьез спорить никто не стал, и Мак-Арану пришло в голову, что его действительно стали считать начальником экспедиции, чье слово – закон. Когда красное солнце поднялось в зенит, Мак-Аран с Камиллой уже перепаковали рюкзаки и были готовы отправиться, взяв с собой только легкую спасательную палатку, еды на несколько дней и астрономические приборы.

Время от времени Забал шевелился и стонал, но в созна-

ние не приходил. Мак-Арана неотступно мучило в связи с ним какое-то смутное предчувствие, но делать было нечего, приходилось оставить укушенного на попечение Юэна. В конце концов, главная задача экспедиции – оценить размеры и массу планеты; и чтобы Камилла подсчитала, на какой край Галактики их занесло!

Какая-то мысль не давала ему покоя. Неужели он что-то забыл? Неожиданно Хедер Стюарт сняла форменную куртку и стянула через голову теплый вязаный свитер.

– Камилла, он теплее, чем твой, – негромко произнесла она. – Надень, пожалуйста. Здесь такие снегопады! А у вас не будет ничего, кроме маленькой палатки...

– Здесь тоже будет холодно, – рассмеявшись, помотала головой Камилла.

– Но... – Личико Хедер дрогнуло в нервной гримаске. Она прикусила губу. – Пожалуйста, Камилла, – взмолилась она. – Назови меня дурехой, если хочешь; меня мучает какое-то идиотское предчувствие... только, пожалуйста, возьми свитер!

– У вас тоже предчувствие? – сухо поинтересовался Мак-Леод. – Тогда лучше возьмите свитер, лейтенант. Мне-то казалось, у меня одного прорезалась болезненная интуиция. Я никогда серьезно не относился к экстрасенсорике, но кто его знает... может, на незнакомой планете это свойство необходимое для выживания. Да и, в любом случае, что вы теряете, если возьмете несколько лишних теплых одежек?

Мак-Аран осознал, что неуловимая мысль, не дававшая ему покоя, была как-то связана с погодой.

– Лучше возьми свитер, Камилла, – посоветовал он. – А я возьму горную пуховку Забала, она тяжелее и теплее, чем моя, и свою оставлю ему. И если у вас найдется несколько лишних свитеров... Нет, себя обделять тоже не стоит; но, когда пойдет снег, ваше укрытие будет повнушительней, чем наше, а на высоте бывает такой холод... – Он с любопытством покосился на Хедер и Мак-Леода; обычно он не больно-то верил всяким байкам насчет экстрасенсов, но если странное предчувствие появляется у двоих человек независимо, да и сам он ощущает нечто схожее... Может быть, конечно, просто все дело в разных мелочах, откладывающихся в подсознании, а потом суммирующихся. Да и не больно-то нужна экстрасенсорика, чтобы предсказать плохую погоду в горах на незнакомой планете, да еще и с таким мерзким климатом! – Положите любую лишнюю одежду, какая найдется, – скомандовал он, – и обязательно по запасному одеялу; остальное мы уже захватили. И отправляемся.

Пока Хедер и Джудит укладывали рюкзаки, он переговорил наедине с Юэном.

– Ждите здесь по меньшей мере восемь дней, – вполголоса проинструктировал он. – Мы будем подавать сигналы каждый вечер на закате – при возможности. Если к тому времени от нас ничего не будет слышно или видно – снимайте лагерь и возвращайтесь к кораблю. Если мы вернемся, то нет

смысла заставлять людей зря волноваться – а не вернемся, ты останешься за главного.

– А что делать, если Забал умрет? – нерешительно поинтересовался Юэн; ему явно не хотелось, чтобы Мак-Аран ушел. . .

– Похоронить его, – хрипло выдохнул Мак-Аран, – что же еще. – Он отвернулся и кивнул Камилле. – Отправляемся, лейтенант.

Не оглядываясь, они направились прочь от поляны. Для начала Мак-Аран задал средний темп ходьбы, не слишком высокий, но и не слишком низкий.

По мере того как они поднимались выше, ландшафт менялся; деревьев становилось меньше, трава редела, все чаще попадались голые камни. Склоны в этих предгорьях были не слишком крутыми, но когда Камилла и Мак-Аран взобрались на вершину холма, нависающего над ложиной, где накануне они встали лагерем, Рафаэль объявил привал с перекусом. Если напрячь зрение, сквозь переплетение древесных стволов можно было разглядеть крошечный оранжевый квадратик оставшейся внизу палатки.

– Как далеко мы отошли, Мак-Аран? – спросила Камилла, откинув капюшон куртки.

– Понятия не имею. Наверно, миль на пять-шесть; и поднялись на две тысячи футов. Голова болит?

– Совсем чуть-чуть, – уклончиво ответила девушка.

– Это потому, что меняется давление воздуха, – пояснил

он. – Скоро привыкнете. Слава Богу, тут еще не очень крутой подъем.

– Даже не верится, что вчера мы ночевали там... внизу, – с дрожью в голосе произнесла Камилла.

– Ничего, сейчас перевалим через гребень, и лагеря больше не будет видно. Кстати, если вы передумали лезть на пик, еще не поздно вернуться.

– Не искушайте, – пожала она плечами.

– Бойтесь?

– Разумеется. Не такая уж я дура, чтобы не бояться. Но обещаю без истерик, если вы об этом.

– Тогда двинулись, – произнес Мак-Аран, поднимаясь и отряхивая с колен крошки. – И смотрите, куда идете – дальше будут скалы.

Но, к его удивлению, она вполне уверенно зашагала по каменной осыпи у самого гребня, и ему не пришлось помогать ей или искать путь полегче. С гребня открывалась дальняя панорама – на долину, где они накануне вставляли лагерь, на длинную, травянистую равнину и на следующую долину, где упал корабль; хотя даже в мощный бинокль Мак-Аран сумел разглядеть только крошечную темную черточку, которая, конечно, могла быть кораблем, но могла и не быть. Гораздо лучше просматривалась неровная вырубка, где они в первую после аварии ночь валили деревья.

– Первый след человека, – произнес Мак-Аран, передавая бинокль Камилле.

– Надеюсь, и последний, – отозвалась та.

Мак-Арану захотелось в лоб поинтересоваться у нее, возможно ли вообще починить корабль, но сейчас для таких вопросов был не самый подходящий момент.

– Наверняка тут должны быть горные ручьи, – вместо этого произнес он, – а Джуди давным-давно проверила местную воду. Так что не стоит ограничивать себя в питье – еще найдется, где наполнить фляги.

– У меня страшно пересохло в горле. Это из-за вин соты?

– Возможно. На Земле мы не смогли бы забраться намного выше, чем сейчас, без кислородных баллонов, но здесь в атмосфере кислорода больше. – Мак-Аран бросил последний взгляд на оранжевую палатку, сунул бинокль в футляр и повесил на плечо. – Ладно, следующий гребень будет гораздо выше. Пошли. – Камилла тем временем разглядывала крошечные оранжевые цветочки, растущие в щелях среди камней. – Лучше не трогайте их. Может, это опять какая-то зараза.

– Уже поздно, – усмехнулась она и развернулась к Мак-Арану. В ладонях у нее был оранжевый цветок. – Если мне грозит смерть на месте только из-за того, что я сорву цветок – пусть это лучше выяснится сразу. Не уверена, что мне захочется жить дальше – если на этой планете нельзя трогать вообще ничего... Рэйф, – добавила она, посерьезнев, – это же неизвестная планета – и совсем исключить риск у нас не получится при всем желании, всегда может найтись что-нибудь

смертельно опасное, чего мы никак не могли предусмотреть. По-моему, нам следует ограничиться какими-то естественными мерами предосторожности и надеяться, что повезет.

Впервые после аварии она обратилась к нему по имени, и Мак-Аран невольно смягчился.

– В общем-то, вы, конечно, правы, – произнес он. – Если мы не хотим ходить тут в скафандрах, то об абсолютной защите и думать не приходится, так что впадать в паранойю не стоит. Будь мы Передовым Отрядом, мы бы знали, где стоит рисковать, а где нет; а так действительно остается только надеяться на везение. – Становилось жарко, и он стянул ветровку. – Что-то непохоже, чтобы оправдывалось предчувствие Хедер насчет плохой погоды.

Они перевалили через гребень и направились вниз. Два-три часа поискав тропинку, они наткнулись на кристально чистый родник, бьющий из трещины в скале, и наполнили фляги; Мак-Аран предложил отправиться вниз по руслу ручейка – наверняка это должен был быть кратчайший путь.

Стало смеркаться; клонящееся к горизонту солнце то и дело скрывалось за тяжелыми тучами. Из глубокой долины, куда они спустились, следуя ручью, не было ни малейшей возможности послать сигнал ни на корабль, ни в базовый лагерь. Пока они устанавливали свою крошечную палатку, и Мак-Аран разводил огонь, начало моросить; бранясь сквозь зубы, Мак-Аран попытался передвинуть костер под край тента, чтобы хоть чуть-чуть укрыться от дождя. Ему

удалось нагреть воду, но не вскипятить – в конце-концов неожиданный порыв мокрого снега задул огонь, и Мак-Аран, сдавшись, высыпал концентраты в едва теплую водичку.

– Вот, – объявил он. – Вряд ли очень вкусно, но, по крайней мере, съедобно – и питательно, хотелось бы надеяться.

Попробовав варево, Камилла скорчила гримаску, но, к облегчению Мак-Арана, ничего не сказала. Вокруг бушевал дождь с мокрым снегом, и Камилла с Мак-Араном поскорее забрались в палатку, плотно задраив за собой вход. Внутри едва-едва хватало пространства, чтобы один человек вытянулся в полный рост, а другой устроился сидя – одноместные спасательные палатки были действительно одноместными. Мак-Аран собрался было отпустить какую-то легкомысленную реплику насчет теплого уютного гнездышка, но, взглянув на осунувшееся лицо девушки, передумал.

– Надеюсь, вы не страдаете клаустрофобией, – заметил он вместо этого, стягивая пуховку и раскладывая спальный мешок.

– Я с семнадцати лет офицер Космофлота. Какая еще клаустрофобия? – Несмотря на темноту, Мак-Аран был уверен, что Камилла улыбается. – Скорее, наоборот.

На этом разговор, в общем-то, и закончился. В какой-то момент девушка произнесла и темноту: «Интересно, как там Марко?» – но на это Мак-Арану было нечего ответить; а думать о том, насколько удачней было бы, окажись с ними Забал с его гималайским опытом – значило только зря себя из-

водить.

– Как насчет того, – сонно поинтересовался Мак-Аран, – чтобы подняться на рассвете и повторить попытку со спектрографом?

– Не стоит. Лучше я подожду до главного пика. Если, конечно, мы до него доберемся. – Конец фразы прозвучал еле слышно, дыхание девушки успокоилось, только иногда тишину нарушал усталый вздох. Мак-Аран же еще какое-то время лежал без сна и думал, что ждет их впереди. Снаружи дождь с мокрым снегом шумно сек ветви деревьев, а из кустарника доносился неумолчный шелест – то ли ветер бушевал, то ли какие-то животные копошились. В конце концов Мак-Арана сморил сон, но спал он чутко, вздрагивая при каждом незнакомом звуке. Раз-другой Камилла негромко вскрикивала во сне, и Мак-Аран подскакивал, буравя темноту беспокойным взглядом. Может, у нее началось кислородное голодание? То, что кислорода в воздухе больше, это, конечно, хорошо; но все равно они забрались уж очень высоко и с каждым следующим кряжем забираются выше и выше. Ладно, одно из двух – либо она акклиматизируется, либо нет. Совершенно киношная ситуация, мелькнула у Мак-Арана мысль, когда он уже проваливался в сон: мужчина наедине с красивой женщиной на незнакомой планете, полной опасностей. Разумеется, абстрактно он хотел ее – черт побери, ничто человеческое или мужское ему не чуждо – но в данных конкретных обстоятельствах секс приходил на ум в

последнюю очередь. «Наверно, тлетворное влияние цивилизации», – успел подумать Мак-Аран и устало забылся.

Следующие три дня в точности повторяли первый – если не считать того, что к четвертому вечеру, когда сгустились сумерки, а Камилла с Мак-Араном забрались на высокий перевал, ночной дождь еще не начинался. Воспользовавшись случаем, Камилла установила на треногу телескоп и провела серию наблюдений. Мак-Аран тем временем в темноте расставлял палатку.

– Ну что? – в конце концов поинтересовался ой, не в силах сдержать любопытства. – Теперь понятно, куда нас занесло?

– Не совсем. С самого начала было известно, что этого солнца нет на картах; а все знакомые созвездия – в галактоцентрических координатах – сильно смещены влево. Подозреваю, что мы за пределами спирального рукава Галактики – обратите внимание, как мало на небе звезд, даже по сравнению с Землей, не говоря уже о колониях, лежащих ближе к галактическому ядру. О, мы очень сильно сбились с пути! – В голосе ее слышалась нервная дрожь, а, подойдя ближе, Мак-Аран увидел на щеках слезы.

Ему остро, до боли, захотелось утешить ее.

– Ну, по крайней мере, – произнес он, – когда мы отбудем, куда следует, то сможем занести на свой счет открытие пригодной для колонизации планеты. Может быть, нам всем даже причитается какой-то процент как первооткрывателям...

– Но мы так далеко... – Она осеклась. – У нас получится

послать сигнал на корабль?

– Можно попытаться. Мы выше, чем они, тысяч на восемь футов, и не исключено, что даже на линии прямой видимости. Вот, держите бинокль, попробуйте разглядеть какой-нибудь огонек. Хотя, может быть, конечно, они остались за холмами.

Рафаэль обнял девушку за плечи, выравнивая бинокль. Та не отстранилась.

– Вы помните азимут на корабль? – поинтересовалась Камилла.

Он сказал; она повела биноклем, косясь на компас.

– Вот огонек... нет, это, кажется, молния... А, какая разница! – Она нетерпеливо опустила бинокль. Мак-Аран чувствовал, что ее бьет дрожь. – Вам ведь нравятся эти огромные открытые пространства, правда?

– Э... да, – медленно отозвался он. – Мне всегда нравились горы. А вам?

В полумраке Камилла помотала головой. Из-за горизонта показалась первая из четырех крошечных лун, бледно-фиолетовая, и темный воздух словно бы пошел призрачной рябью.

– Нет, – еле слышно отозвалась она. – Я их... боюсь.

– Бойтесь?

– Я прошла отбор для Космофлота в пятнадцать лет и почти все время потом жила или на орбитальной базе, или на тренировочном корабле. Немудрено, что... – голос ее дрог-

нул, – развивается... агорафобия.

– И вы сами вызвались в эту экспедицию! – вырвалось у Мак-Арана; он был искренне удивлен и восхищен. Но Камилле в его голосе послышались критические нотки.

– Больше-то некому было, – огрызнулась она и отправилась обустроить спальное место в крошечной палатке.

И снова после ужина – правда, на этот раз горячего, потому что дождь так и не пошел и костра не загасил – девушка заснула сразу, а Мак-Аран еще долго лежал без сна. Обычно снаружи доносился по ночам только вой ветра, шелест дождевых струй, треск и скрипение ветвей; но сегодня лес переполняли странные шумы и шорохи, словно вся окружающая таинственная живность спешила воспользоваться редкой бесснежной ночью. Вот донесся далекий вой, напомнивший Мак-Арану некогда слышанную на Земле запись вымершего дикого волка; вот почти тигриный рык, низкий и хриплый, за ним испуганный писк какого-то маленького зверька, а потом тишина. А потом, ближе к полуночи, послышался кошмарный пронзительный крик, долгий, с завываниями – вопль, от которого Мак-Арана бросило в холодный пот. Он был так жутко похож на вопль, изданный Марко при нападении скорпиономуравьев, что Мак-Аран подскочил и принялся выпутываться из спального мешка; только когда, разбуженная его метаниями, испуганно приподнялась Камилла, Мак-Аран осознал, что человеческая глотка на такие звуки просто не способна. Пронзительный воющий вопль делался

выше и выше, пока не перешел чуть ли не в ультразвук; по крайней мере, Мак-Арану казалось, будто крик отдается в его барабанных перепонках еще долго после того, как стало тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.